

И. Ю. Александров

Концепция русского космизма Михаэля Хагемейстера

Вышедшая в свет в 1989 г. посвященная Н. Ф. Федорову монография Михаэля Хагемейстера стала первым фундаментальным исследованием на Западе, которое посвящено русскому космизму. Хагемейстер высоко ценит этическую составляющую учения Н. Ф. Федорова о необходимости помнить ушедших из жизни людей, но критичен к вере последователей этого учения в возможность воскрешения. Хагемейстер отрицает русский космизм как оригинальное направление в отечественной науке и философии. С его точки зрения, русский космизм – это лишь «синкретическая идеология», включающая разнородные элементы псевдонаучных теорий, эзотеризма, оккультизма, теософии и панпсихизма. В создании этого синкретического образа русского космизма есть и «вина» самого Хагемейстера: он не дифференцировал воззрения наиболее значительных русских космистов, вместо этого подверг критике только совокупную «синкретическую идеологию», которая возникла в годы «перестройки». Сведение Хагемейстером русского космизма к псевдонауке и эзотеризму не обосновано в его работах методологическим анализом и экспериментальными результатами, но основано лишь на вере. Стремление Хагемейстера связать российскую космонавтику и науку в целом с якобы лежащими в их основе магией и оккультизмом ошибочно по причине различия в способах подчинения природы магией и экспериментальной наукой. Очень спорна и чрезмерная политизация Хагемейстером русского космизма. У наиболее крупных русских космистов (В. Ф. Одоевского, Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского) не было общей политической программы, политические воззрения русских космистов зачастую диаметрально противоположны.

Ключевые слова: русский космизм, Михаэль Хагемейстер, культурный феномен русского космизма, учение Н. Ф. Федорова о воскрешении, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский

Ilya Y. Alexandrov

The concept of Russian cosmism by Michael Hagemeister

Michael Hagemeister's monograph dedicated to N. F. Fedorov, published in 1989, became the first fundamental research in the West, which is devoted to Russian cosmism. Hagemeister highly appreciates the ethical component of N. F. Fedorov's teaching about the need to remember people who have passed away but is critical of the faith of followers of this teaching in the possibility of resurrection. Hagemeister denies Russian cosmism as an original trend in Russian science and philosophy. From his point of view, Russian cosmism is only a syncretic ideology that includes heterogeneous elements of pseudoscientific theories, esotericism, occultism, theosophy and panpsychism. In creating this syncretic image of Russian cosmism, there is also the «fault» of Hagemeister himself - he did not differentiate the views of the most significant Russian cosmists, instead he criticized only the cumulative «syncretic ideology» that arose during the years of «perestroika». Hagemeister's reduction of Russian cosmism to pseudoscience and esotericism is not justified in his works by methodological analysis and experimental results but is based only on faith. Hagemeister's desire to connect Russian cosmonautics and science in general with magic and the occult, allegedly underlying them, is misguided because of the difference in the ways in which nature is subdued by magic and experimental science. Hagemeister's excessive politicization of Russian cosmism is also very controversial. The largest Russian cosmists (V. F. Odoyevsky, N. F. Fedorov, K. E. Tsiolkovsky, V. I. Vernadsky, A. L. Chizhevsky) did not have a common political program, the political views of Russian cosmists are often diametrically opposed.

Keywords: Russian cosmism, Michael Hagemeister, the cultural phenomenon of Russian cosmism, N. F. Fedorov's teaching on resurrection, V. I. Vernadsky, K. E. Tsiolkovsky

DOI 10.30725/2619-0303-2023-3-6-13

Профессор Рурского университета (г. Бохум, Германия) М. Хагемейстер родился в 1951 г. Этот видный историк-славист известен в первую очередь своими исследованиями происхождения «Протоколов Сионских мудрецов» и творчества русского религиозного писателя Сергея Нилуса [1]. Влиятельны

статьи, посвященные русскому космизму в разные годы опубликованные Хагемейстером. Историк космонавтики Асиф Сиддики относит работы Хагемейстера, в частности его статью «Русский космизм в 20-е годы и сегодня» [2; 3], к лучшему из написанного по этой тематике в Европе и США [4, р. 130].

Концепция русского космизма Михаэля Хагемайстера

Хагемайстер известен также как издатель текстов русских космистов на Западе. В 1983 г. на немецком языке он опубликовал брошюру В. Н. Муравьева «Овладение временем», которая позднее вошла в подготовленную совместно с Б. Е. Гройсом в 2005 г. антологию «Новое человечество. Биополитические утопии в России начала XX века». В это издание кроме работ В. Н. Муравьева вошли переводы на немецкий язык текстов Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, Александра Богданова, биокосмистов Александра Святогора и Александра Ярославского, статьи Л. Д. Троцкого «Искусство революции и социалистическое искусство» и статьи создателя советской педагогики А. Б. Залкинда «Психология человека будущего» [5].

Русский космизм по-прежнему не рассматривается многими западными учеными в качестве значительного направления в отечественной научной и философской мысли. Не нашлось места русскому космизму в не так давно вышедшей в свет «Истории русской философии 1830–1930» под редакцией Г. М. Гамбургера и Рэндала А. Пула [6]. Эти исследователи поставили своей задачей избежать какого-либо редукционизма в трактовке русской философии и истолковали ее через связующее понятие гуманизма. При таком исследовательском подходе акцентируется самобытная русская традиция философского гуманизма, сосредоточенного на защите человеческого достоинства. Вместе с тем растворяется космичность устремлений многих отечественных мыслителей, без которой дебаты о значении и основаниях человеческого достоинства, свободы и справедливого общества предстают односторонними. В кембриджской истории русской философии лишь раз упомянуты В. Ф. Одоевский и В. И. Вернадский. Н. Ф. Федоров упоминается в ней трижды: в одном случае как «христианский натуралист» [6, р. 3], в другом – в контексте почитительного отношения к его идейному наследию и к наследию В. С. Соловьева у участников Религиозно-философских собраний, проходивших в 1901–1903 гг. в С-Петербурге [6, р. 269], в третьем – в контексте влияния его идей на представление Н. А. Бердяева о необходимости прекращения деторождения в надежде прервать бесконечную цепь рождений и смертей [6, р. 246]. Философия С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского в этом издании представлена без влияния на нее идей Н. Ф. Федорова и принадлежности ее к русскому космизму. Так, космодицею С. Н. Булгакова – учение об оправдании мира

перед теми, кто говорит от имени Бога: Церковью, аскетами и другими авторитетами, санкционированными религией, – вполне можно трактовать без обращения к русскому космизму, но с точки зрения утверждения свободы и достоинства мира, свободы и достоинства религиозной веры [6, р. 187]. Это свидетельствует о том, что русский космизм для многих западных исследователей остается искусственно созданной позднейшей традицией, но не оригинальным течением мысли. На Западе русский космизм фактически не был известен до изданной в 1989 г. в виде монографии диссертации М. Хагемайстера, которая посвящена Н. Ф. Федорову и истории «Федоровского движения». Ему и принадлежит первая критическая трактовка русского космизма как недавно созданной традиции.

Во введении к этой работе немецкий историк рассказывает о непростой истории признания идей Н. Ф. Федорова в нашей стране. На I Всесоюзных Федоровских чтениях, проходивших в мае 1988 г. в Боровске, в ряде докладов наследие этого мыслителя рассматривалось в контексте русского космизма [7, с. 7–85]. Выражения «русское космическое мышление», «русский космизм» во второй половине 1980-х гг. обрели большое влияние в советской прессе, но, как отмечает Хагемайстер, на Западе эта философско-мировоззренческая концепция оставалась практически незамеченной [8, S. 8]. Хагемайстер, пытаясь объяснить внезапность раскрытия феномена русского космизма, указывает на синкретичность взглядов его представителей, подчеркивает связь последователей идей Н. Ф. Федорова с другими группами и течениями процветавшей в позднем Советском Союзе религиозно-мировоззренческой субкультуры. Причины внезапной популярности космизма, по мнению немецкого исследователя, связаны с широко распространенным представлением о кризисном состоянии, в котором находится планета, в потребности новой теории, рассматривающей мир как рациональную сущность, сосредоточенную вокруг человека. Воззрения Хагемайстера на русский космизм в значительной мере свободны от ставших парадигмальной для большей части российских исследователей концепции С. Г. Семеновича с Н. Ф. Федоровым в качестве «родоначальника» этого направления в отечественной научной, религиозно-философской и художественной мысли. Оценки Хагемайстера подчас очень жесткие и нелюбезные. Так, распространенное

1985 г. московскими последователями идей Федорова обращение «ко всем жителям планеты» о создании «Всемирной организации Общего дела – Миссии Н. Ф. Федорова», по его мнению, носит «бредовый характер» [8, S. 7]. Здесь же Хагемайстер называет федоровцев «сектантами» наряду с последователями учений Георгия Гурджиева, Николая Рериха, Даниила Андреева, Льва Гумилева, Порфирия Иванова, а также экологическими группами, реформаторами образа жизни, апостолами здоровья и вегетарианцами [8, S. 7]. В диссертации Хагемайстера еще нет характерной для последних десятилетий методологии эзотерических исследований, благодаря которым была выявлена существенная роль в культуре Запада такого рода знаний. Для исследователей эзотеризма очевидно, что эта область знаний является самостоятельной и независимой наряду с нормативными религиозными традициями иудаизма и христианства, рациональной философией и современной наукой [9, с. 7]. Как отмечает В. Ханegraaf, несмотря на то, что с 1990-х гг. термин «западный эзотеризм» стал наиболее употребительным у специалистов, «в массовом сознании эти слова все еще ассоциируются преимущественно с современными нью-эйдж-феноменами» [9, с. 8]. Не избежал такой упрощенности в объяснении и М. Хагемайстер. Немецкий историк категорично связывает «русский космизм» с вненаучными представлениями, проводит параллели с идеями движения New Age на Западе [8, S. 11; 3, с. 196]. Эзотеризм как западный, так и российский представляет собой значительно более сложный феномен культуры, он может проникать в научные представления, в философию и религию, оставаясь при этом самостоятельным. Характерное для работ Хагемайстера сведение научных идей русских космистов к эзотеризму ошибочно, поскольку основано лишь на вере и не содержит какого-либо методологического анализа их потенциальной «несостоятельности».

Во введении к диссертации Хагемайстера представлен только набросок формировавшейся в советском культурном пространстве конца 1980-х гг. концепции русского космизма, которая, по его мнению, своей синкретичностью лишь затуманивает взгляд на его «представителей». В годы «перестройки» действительно преобладали восторженные оценки русских ученых и философов, чьи идеи составили эту традицию, количество серьезных научных исследований заметно уступало обилию такого рода публикаций.

Первая статья Хагемайстера, непосредственно посвященная русскому космизму, вышла в сборнике под ред. Б. Глатцер-Розенталь «Оккультизм в русской и советской культуре» [2, р. 185–202; 3, с. 182–198]. Это издание представляет собой сборник статей по итогам конференции, которая проходила в 1991 г. в Фордемском университете в Нью-Йорке. Глатцер-Розенталь отличает оккультизм от эзотеризма, если под последним понимать знание для избранных или посвященных. Оккультизм она связывает с особыми космологическими представлениями [10, р. 2] и ссылается при этом на концепцию А. Февра, указывавшего на четыре фундаментальных характеристики западного эзотеризма: идею универсальных соответствий, идею живой природы, роль медиаторов и воображения, опыт трансмутации [11, с. 23–24]. Хагемайстер в статье из этого сборника концепцию эзотеризма Февра не использует. Здесь Хагемайстер продолжает доказывать, что недавно созданный русский космизм на деле состоит из разнородных компонентов, среди которых он выделяет его причастность к псевдонаучному течению, к оккультному и эзотерическому течению, а также к прометеанскому и богостроительскому течению [3, с. 184]. Немецкий историк отмечает, что вера в науку, которая должна обнаружить скрытые всемогущие энергии: психическую, нервную или космическую, характерна для русского космизма. К псевдонауке Хагемайстер относит без ссылок на какие-либо опровергающие экспериментальные свидетельства любые исследования учеными энергий человеческого организма, которые не удается объяснить с помощью сведения их к известным науке типам физических взаимодействий. За рамками науки при таком подходе оказываются в частности исследования В. М. Бехтерева, Л. В. Васильева [3, с. 191] и многих других известных ученых. Если маг в корыстных целях манипулирует силой своей мысли и психической энергией, то парапсихолог научными методами изучает возможности организма человека. Революционная вера, как отмечает немецкий историк, стерла все границы, традиционно отделявшие науку от магии. Многие ученые и инженеры после революции поверили в победу над природой, в абсолютное господство над пространством и временем. Свой тезис о «гнездящихся в (черной) магии истоках и характере современной науки и техники» [3, с. 185] Хагемайстер обосновывает ссылкой на содержание главы 13 «Смысла творчества» Н. А. Бердяева. Однако

Концепция русского космизма Михаэля Хагемайстера

ход мысли Бердяева несколько иной: «Наука и техника – детища христианского освобождения от устрашавшей власти демонов» [12, с. 516]. Для древнего грека счастье – быть ведомым благим даймоном, не все даймоны дурны, напротив, христиане перетолковали их в демонов, отвлекающих от подлинного Бога. У Бердяева нет распространенного позитивистского тезиса о рождении научной астрономии из астрологии и научной химии из алхимии. Бердяев верит во временность науки, подчиняющей мертвую природу, жаждет новой белой магии, которая будет лишена корысти в мыслетворчестве. Для Бердяева природа одушевлена. Мышление магическое и мышление научно-техническое, вопреки Хагемайстеру, имеют разные истоки. Стремление магии покорить природу не позволяет выводить из нее науку экспериментальную, далеко продвинувшуюся в этом покорении.

Хагемайстер пытается представить отечественную космонавтику и в целом российскую науку магичными по своему происхождению. По его мнению, все расчеты, замыслы и конструктивные новшества, касающиеся полетов космических кораблей, которые прославили К. Э. Циолковского, исходили из его «космической философии» [13, р. 30]. Справедливо было бы утверждать, что Циолковский разрабатывал технические проекты покорения космоса, будучи ведомым своими мечтами и оккультными представлениями о наличии жизни в космосе, сложнее обстоит прямое влияние его «космической философии» на научно-технические разработки. Хагемайстер же связывает проекты многоступенчатых ракет на твердотопливном двигателе, планы пилотируемых космических станций вместе с описанием условий выживания в космических аппаратах Циолковского с серией его фантастических рассказов и романов, которые, по мнению немецкого исследователя, потребовались для распространения этих научно-технических идей. По мнению Хагемайстера, «освоение космоса для Циолковского было, в конечном счете, лишь средством – техническим инструментом для самосовершенствования человечества и достижения „вечного блаженства“» [14, р. 138]. Утверждение это не является очевидным. Традиционно самосовершенствование человека связывалось с духовными упражнениями, но не с научно-техническим покорением космоса. Космос герметика или гностика «внутренний», напротив, космос науки «внешний», поддающийся опредмечиванию и исчисле-

нию. При этом космос науки подобно сущему новоевропейской философии не содержит чего-либо оккультного, принципиально не подвластного ее методам познания. Хагемайстер использует русский космизм в качестве примера своего ошибочного утверждения о том, что «магико-эзотерическое понимание науки и техники все еще преобладает в современной России» [14, р. 145]. Реально же наука и техника не связаны с какими бы то ни было оккультными целями и задачами, ученые в подавляющем большинстве стремятся дистанцироваться в своей деятельности от всего вненаучного. Стремление Хагемайстера демифилогизировать фигуру К. Э. Циолковского, вписав историю его жизни в концепцию становления советской космонавтики и науки в целом из магии, выглядит искусственным.

Другой тенденцией в публикациях Хагемайстера является преувеличенная политизация русского космизма. В своей диссертации он связал становление «искусственно созданной» традиции русского космизма с переоткрытием в 70-х гг. XX в. идей Н. Ф. Федорова консервативно настроенными мыслителями: неославянофилами, почвенниками и русофилами. Первые публикации С. Г. Семенов об Н. Ф. Федорове были осуществлены в русофильски ориентированных, по мнению Хагемайстера, альманахах «Контекст» [15] и «Прометей» [16] при поддержке литературоведов-русифилов В. В. Кожина и П. В. Палиевского, а также космонавта В. И. Севастьянова [8, S. 2]. Хагемайстер относит также к русофильским издательствам «Молодая гвардия», в котором в 1979 г. впервые за советское время появились выдержки из трудов Федорова в антологии русской социальной утопии и научной фантастики [17], и отмечает, что первые публичные лекции, посвященные наследию Федорова, с 1978 г. стало возможно проводить при поддержке Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры, которое стало одним из центров возрождения патриотических идей. Эти и другие приводимые Хагемайстером примеры поддержки легализации идей Федорова в советские годы со стороны патриот-консерваторов невозможно отрицать, вместе с тем они не свидетельствуют о том, что русский космизм – это политическое учение. Известно, что сама С. Г. Семенова считала «учение о воскрешении» Федорова обращенным ко всему человечеству и не делала акцент на «русскости» космизма. Отдельные сторонники русского космизма, как в годы «перестройки», так и в наши дни, могут связывать те или

иные представления этого направления в отечественной мысли с близкими им политическими идеями, но у наиболее значительных космистов не было общей политической программы. Так, В. И. Вернадский до революции был одним из соучредителей кадетской партии, критично относясь к деятельности большевиков, он все-таки остался на родине и принес огромную пользу советской науке и народному хозяйству. Политические взгляды Вернадского эволюционировали в сторону осознания необходимости сильного централизованного государства, но сама идея ноосферы надполитична – она требует ответственного мышления, как в масштабах своей страны, так и в общепланетарном масштабе. В определенном смысле достижение стадии ноосферы – это не конкретная политико-экономическая задача, но идеал, к которому должны стремиться политики и ученые. Вернадский надеялся, что крайности социализма и капитализма станут преодолимы в обществе будущего, когда к руководству странами придут ответственные ученые, которые способствуют истинной демократизации и реализации людьми своего потенциала на общее благо. Если студент Вернадский и друзья его юности связывали братские идеалы с либеральными свободами и необходимостью получения образования широкими слоями российского населения, то видные космисты XIX в. князь В. Ф. Одоевский и всю жизнь проведший в бедности Н. Ф. Федоров, напротив, были противниками либерализма и сторонниками традиционной монархии.

Для работ западных исследователей: М. Хагеймастера, Дж. Янга, Б. Гройса, А. Сиддики – характерна попытка связать русский космизм с тоталитарным мышлением, однако русский космизм выходит за рамки политико-экономического и юридического типа мысли. К России плохо применимы западные стандарты рациональности. Реализация человеком своего космического потенциала, своей обязанности труда на общее благо может лишь интуитивно им осознаваться. История не знает совершенных политических систем, все они имели те или иные изъяны. Оценка политической системы не должна ограничиваться лишь соответствием стандартам либеральных ценностей. Для живого развивающегося космоса жизнь человека, учившегося и трудившегося на общее благо в условиях отсутствия либеральных свобод, может оказаться не менее ценной, чем наполненная благами западной цивилизации. Нужно отметить также, что публикации по русскому

космизму последних трех десятилетий в нашей стране, идеи космизма в культурном пространстве этого периода были связаны с предельными философскими осмыслениями будущего человечества, но они не определялись политической тематикой.

Представления Хагеймастера о русском космизме за истекшие десятилетия не претерпели существенных изменений. Об этом свидетельствует его относительно недавняя публикация в № 46 журнала *Slavica Occitania*. Здесь немецкий исследователь продолжает утверждать, что нынешний русский космизм – это «синкретическая идеология, объединяющая в себе несколько совершенно разных идей» [18, р. 62]. Хагеймастер в качестве его составляющих вновь выделяет паранауку, оккультизм, идеологию New Age и небогостроительство. К паранауке, к примеру, он относит идеи А. Л. Чижевского, в частности, утверждение о влиянии солнечной активности на рост эпидемий. Каких-либо ссылок на исследования, опровергающие результаты полученные Чижевским, Хагеймастер не приводит. Отсутствуют ссылки на работы последователя наследия А. Л. Чижевского эпидемиолога В. Н. Ягодинского. Из новейших исследований в этой области упомяну работу Б. В. Владимирского [19]. Хагеймастер не приводит какой-либо критики и работ упоминаемых им Л. Н. Гумилева и В. П. Казначеева. Из статьи ясно, что немецкий историк по-прежнему отрицает существование «биоэнергий», но представление это остается лишь верой, не подкрепленной экспериментальными результатами. Критика Хагеймастера порой сводится к описанию различных противоречащих друг другу точек зрения на русский космизм, которых едва ли придерживается сам немецкий исследователь. С одной стороны, приведены мнения консервативных православных мыслителей Н. К. Гаврюшина и диакона А. В. Кураева. Первый доказывал нерусское происхождение отечественного космизма, осуждая его как «технократическую псевдорелигию» и находя его корни в западном гностицизме, масонстве, оккультизме и даже «религии человечества» О. Конта. Второй также упрекал отечественный космизм во вторичности идей по отношению к представлениям западных масонов и каббалистов. Такого рода критика отстаивает чистоту православия от прогнивания через идеи космистов «чуждых» западных представлений. С другой стороны, Хагеймастер приводит и критические аргументы Л. В. Фесенковой, в многочисленных

Концепция русского космизма Михаэля Хагемайстера

публикациях упрекающей русский космизм за умозрительные представления о теории эволюции, которые зачастую утопичны и далеки от строгих представлений биологов. Фесенкова, напротив, отстаивает чистоту науки от проникновения в нее натурфилософских представлений. Тот же Хагемайстер ссылается и на конспирологическую концепцию А. Г. Дугина, в которой русский космизм предстает некой оккультной доктриной, теневым учением советского марксизма, следовательно, являющейся частью всемирного заговора, направленного против русского народа [18, р. 64–66]. В публикациях Хагемайстера отсутствует критический анализ этих противоречащих друг другу воззрений на русский космизм. Создается впечатление, что различные точки зрения приводятся им исключительно с целью показать несостоятельность этой новой «синкретической идеологии» в глазах авторитетных ученых и мыслителей.

Статья немецкого историка в № 46 *Slavica Occitania* заканчивается утверждением о том, что русский космизм создал образ человечества, которое распространяет свою ноократическую власть на вселенную, где сможет реализовать «вселенский космический план», «превратившись в сверхорганизм единый и бессмертный, достигнув тем самым статуса Бога». И это сочетание единства и универсальности, по мнению Хагемайстера, «является признаком тоталитарного мышления, свидетельством того, что космизм стал универсальным словом для обозначения новой русской доктрины, которая угрожает спасти мир» [18, р. 67].

Действительно, такого рода образ сверхчеловеческого организма выглядит тоталитарным. Но кому конкретно из русских космистов он принадлежит? Этот образ объединенного человечества, берущего «штурвал эволюции в свои руки» [20, с. 227] восходит к концепции русского космизма С. Г. Семеновой, неоправданно сближавшей представления К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского и других космистов с идеями Н. Ф. Федорова в качестве его «родоначальника». И в своей диссертации [8, S. 8–10] и в последующих публикациях [3, с. 183; 18, р. 54] Хагемайстер без должной критики воспроизводит как общую концепцию эти разнородные представления. Согласно С. Г. Семеновой, «ни в одном из идеалов, которые до сих пор выдвигало человечество как свой высший идеал, не призывались действительно все

до одного, на единое дело, касающееся всех, и не только живущих, но и всех умерших, и всех тех, кому жить, и, наконец, всего в мире, всей природы и далее всей Вселенной» [20, с. 227]. Для последователей идей Н. Ф. Федорова такой конечный идеал представляется единственно нравственным и верным. Однако кроме федоровцев никто из русских космистов его не придерживался и не придерживается.

Учение о переходе биосферы в стадию ноосферы, вопреки Хагемайстеру, принадлежит только В. И. Вернадскому, а не общей «концепции космизма». Вопреки немецкому исследователю, который в этом вопросе находится в плену пропагандистских представлений С. Г. Семеновой, Вернадский не мыслил, что в течение перехода биосферы в ноосферу «действенное объединение и организация человечества (разумного живого вещества) в единый организм приводит к созданию более высокого „планетарного сознания“, способного разумно и нравственно (в соответствии с „космической этикой“) направлять развитие вселенной, изменяя ее и совершенствуя, побеждая болезнь и смерть и, в конечном счете, одаряя человека бессмертием» [3, с. 183]. Можно согласиться с Хагемайстером, что здесь представлена в высшей степени спекулятивная концепция, но кроме понятия «живого вещества» и самого учения о переходе биосферы в ноосферу она не содержит идей Вернадского. Концепция эта в целом восходит к «учению о воскрешении» Н. Ф. Федорова, у которого не было представления о переходе биосферы в стадию ноосферы в смысле Вернадского, не было и самих этих понятий.

Понятие «планетарное сознание» современное, оно пришло из идеологии *New Age*, восходит оно, по-видимому, к канадскому врачу XIX в. Р. Бекку автору «Космического сознания». Никто из крупных русских космистов, кроме Н. Ф. Федорова и его последователей, не утверждал, что полностью будут побеждены болезни и человек станет бессмертным. Представление о вселенной, которой нужно управлять, предполагает, что она лишена разумной жизни и враждебна человечеству. Это положение «учения о воскрешении» Федорова, но не русского космизма в целом. Хагемайстером много сказано о разнородности взглядов русских космистов, однако в создании такого синкретичного образа этого направления в отечественной мысли во многом «повинен» и сам немецкий исследователь: он не рас-

членил взглядов ведущих его представителей, подвергнув критике только совокупную «синкретичную идеологию», появившуюся в годы «перестройки».

Список литературы

1. Hagemeister M. *The Perennial Conspiracy Theory. Reflexions on the History of the Protocols of the Elders of the Zion*. New York: Routledge, 2022. 132 p.
2. Hagemeister M. *Russian cosmism in the 1920s and today // The occult in Russian and Soviet culture / ed. V. G. Rosenthal*. New York: Cornell Univ. Press, 1997. P. 185–202.
3. Хагемайстер М. Русский космизм в 20-е годы и сегодня // Страницы: богословие, культура, образование. 1998. Т. 3, вып. 2. С. 182–198.
4. Siddiqi A. *Tsiolkovskii and the Invention of „Russian Cosmism“: Science, Mysticism, and the Conquest of Nature at the Birth of Soviet Space Exploration // Science, Religion and Communism in Cold War Europe / ed. P. Betts, A. Stephen, A. Smith*. London: Macmillan Publ. Ltd., 2016. P. 127–156.
5. *Die neue Menschheit: Biopolitische Utopien in Russland zu Beginn des XX Jahrhunderts / hrsg. B. Groys, M. Hagemeister*. Frankfurt am Mein: Suhrkamp-Verl. 2005. 688 S.
6. *A History of Russian Philosophy 1830-1930. Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity / ed. G. M. Hamburg, R. A. Poole*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. 423 p.
7. *Общее дело: сб. докл., представл. на I Всесоюз. Федоровские чтения. г. Боровск, 14–15 мая 1988 г. Москва: Ком. космонавтики ДОСААФ СССР, 1990. 240 с.*
8. Hagemeister M. *Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München: Verl. O. Sagner, 1989. 550 S.
9. Ханеграаф В. *Западный эзотеризм: путеводитель для запутавшихся*. Москва: Центр книги Рудомино, 2016. 256 с.
10. Rosenthal V. G. *Introduction // The occult in Russian and Soviet culture / ed. V. G. Rosenthal*. Ithaca; New York: Cornell Univ. Press, 1997. P. 1–32.
11. Февр А. *Западный эзотеризм. Краткая история*. Москва: Клуб Касталия, 2018. 234 с.
12. Бердяев Н. А. *Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества*. Москва: Правда, 1989. С. 254–580.
13. Hagemeister M. *The Conquest of Space and the Bliss of the Atoms: Konstantin Tsiolkovskii // Soviet Space Culture. Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies / ed. E. Maurer, J. Richers, M. Ruethers, C. Scheide*. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 27–41.
14. Hagemeister M. *Konstantin Tsiolkovskii and the Occult Roots of Soviet Space Travel // The New Age in Russia. Occult and Esoteric Dimensions / ed. B. Menzel,*

M. Hagemeister, V. G. Rosenthal. München; Berlin: Verl. Otto Sagner, 2012. P. 135–150.

15. [Семенова С. Г.] К публикации статьи Н. Ф. Федорова о Фаусте // Контекст. 1975: лит.-теорет. исслед. Москва: Наука, 1977. С. 311–314.

16. Семенова С. Г. Николай Федорович Федоров. Жизнь и учение // Прометей: ист.-биогр. альм. серии «Жизнь замечательных людей». Москва: Молодая гвардия, 1977. Т. 11. С. 87–105.

17. Федоров Н. Ф. *Философия общего дела // Вечное Солнце: Русская социальная и научная фантастика второй половины XIX – начала XX века*. Москва: Молодая гвардия, 1979. С. 388–398.

18. Hagemeister M. *Le «cosmisme russe», «philosophie de l’avenir?» // Slavica Occitania*. 2018. № 46. P. 49–67.

19. Владимирский Б. М. *Солнечная активность и общественная жизнь. Космическая историометрия: от первых российских космистов до наших дней*. Москва: Кн. дом «ЛИБРИКОМ», 2013. 192 с.

20. Семенова С. Г. *Активно-эволюционная мысль Вернадского // Прометей: ист.-биогр. альм*. Москва: Молодая гвардия, 1988. Т. 15. С. 221–248.

References

1. Hagemeister M. *The Perennial Conspiracy Theory. Reflexions on the History of the Protocols of the Elders of the Zion*. New York: Routledge, 2022.132.
2. Hagemeister M. *Russian cosmism in the 1920s and today. The occult in Russian and Soviet culture / ed. V. G. Rosenthal*. New York: Cornell Univ. Press, 1997. 185–202.
3. Hagemeister M. *Russian cosmism in the 1920s and today. Pages: theology, culture, education*. 1998. 3 (2), 182–198 (in Russ.).
4. Siddiqi A. *Tsiolkovskii and the Invention of „Russian Cosmism“: Science, Mysticism, and the Conquest of Nature at the Birth of Soviet Space Exploration. Science, Religion and Communism in Cold War Europe / ed. P. Betts, A. Stephen, A. Smith*. London: Macmillan Publ. Ltd., 2016. 127–156.
5. Groys B. (hrsg.), Hagemeister M. (hrsg.) *Die neue Menschheit: Biopolitische Utopien in Russland zu Beginn des XX Jahrhunderts*. Frankfurt am Mein: Suhrkamp-Verl. 2005. 688.
6. Hamburg G. M. (ed.), Poole R. A. (ed.). *A History of Russian Philosophy 1830-1930. Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. 423.
7. *Common task: coll. of reports presented at the I All-Union Fedorov Readings. Boroovsk, May 14–15, 1988*. Moscow: DOSAAF Cosmonautics Comm. of the USSR, 1990. 240 (in Russ.).
8. Hagemeister M. *Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München: Verl. O. Sagner, 1989. 550.

Концепция русского космизма Михаэля Хагемейстера

9. Hanegraaff W. Western esotericism: a guide for the perplexed. Moscow: Rudomino Bk Center, 2016. 256 (in Russ.).
10. Rosenthal B. G. Introduction. The occult in Russian and Soviet culture / ed. B. G. Rosenthal. Ithaca; New York. Cornell Univ. Press, 1997. 1–32.
11. Faivre A. Western esotericism. A brief history. Moscow: Castalia Club, 2018. 234 (in Russ.).
12. Berdyaev N. A. The meaning of creativity. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. Moscow: Pravda, 1989. 254–580 (in Russ.).
13. Hagemeister M. The Conquest of Space and the Bliss of the Atoms: Konstantin Tsiolkovskii. Soviet Space Culture. Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies / ed. E. Maurer, J. Richers, M. Ruethers, C. Scheide. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 27–41.
14. Hagemeister M. Konstantin Tsiolkovskii and the Occult Roots of Soviet Space Travel. The New Age in Russia. Occult and Esoteric Dimensions / ed. B. Menzel, M. Hagemeister, B. G. Rosental. München; Berlin: Verl. Otto Sagner, 2012. 135–150.
15. [Semenova S. G.] Towards the publication of an article by N. F. Fedorov about Faust. Context. 1975: literary and theoretical alm. Moscow: Nauka, 1977. 311–314 (in Russ.).
16. Semenova S. G. Nikolay Fedorovich Fedorov. Life and Teaching. Prometheus: historical and biographical alm. Moscow: Molodaya gvardiya, 1977. 11, 87–105 (in Russ.).
17. Fedorov N. F. Philosophy of the Common Task. Eternal Sun: Russian Social and Science Fiction of the second half of the XIX – early XX century. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1979. 388–398 (in Russ.).
18. Hagemeister M. Le «cosmisme russe», «philosophie de l'avenir?». Slavica Occitania. 2018. 46, 49–67.
19. Vladimírsky B. M. Solar activity and social life. Space historiometry: from the first Russian cosmists to the present day. Moscow: Bk house «LIBRIKOM», 2013. 192 (in Russ.).
20. Semenova S. G. Vernadsky's Active-evolutionary thought. Prometheus: historical and biographical alm. Moscow: Molodaya gvardiya, 1988. 15, 221–248 (in Russ.).